

Андрей Щупов

Бас, Кулак и Гитара

Андрей Щупов
Бас, Кулак и Гитара

«Издательские решения»

Щупов А.

Бас, Кулак и Гитара / А. Щупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518724-6

У юных музыкантов, приехавших в южный городок Бусуманск и решивших зарабатывать дикими концертами, начинаются серьезные проблемы с местной братвой. Это «их территория», и хозяева побережья довольно сурово принимаются учить неопытных гастролеров жизни. Сопrotивляться у ребят не выходит, но и переехать в другое место также не получается. Беглецов ловят и, вернув обратно, предлагают странную работу. В конце концов, все трое понимают, что угодили в самый настоящий плен...

ISBN 978-5-00-518724-6

© Щупов А.
© Издательские решения

Содержание

БАС, КУЛАК И ГИТАРА	6
Глава 1 СУЕТА СУЕТ	7
Глава 2 ШЕСТЬ СТРУН, УВЫ, – НЕ СЕМЬ	14
Глава 3 РЭКЕТ КАК ЗЕРКАЛО МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ	18
Глава 4 ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Бас, Кулак и Гитара

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-8724-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАС, КУЛАК И ГИТАРА

*«Есть в дружбе счастье оголтелое!»
Сергей Есенин*

Глава 1 СУЕТА СУЕТ

Это был сон, и это была явь. Копченые щучки понравились всем. Дольше коптили, чем ели. Всю добычу срубали в пятнадцать минут. Потому и посыпались к озеру с ружьями, как какие-нибудь взбунтовавшиеся стрелы с пищалями.

Накрапывал дождь, озеро чуть парило, торфяной оттенок придавал ему мрачноватый вид. Лох-Несский водоем, судя по всему, мало чем отличался от нашего. Разве что глубиной...

Двое пловцов кролем пенили воду вокруг мыса, еще один бултыхался возле глинистого обрыва. Я решил, что перехитрю всех и поплыву к самому удачливому месту – к плавучим островам. Пусть далековато, зато с пустыми руками точно не вернусь... Оскользываясь на камнях, я зашел в воду по грудь, склонившись, ополоснул маску. Прямо подо мной на илистом дне шевелил усами белесый рак. Я подразнил его наконечником гарпуна, он воинственно растопырил клешни, неуверенно попятился.

– Живи покуда, – я стиснул загубник и рванул напрямик к плавням. Именно там пресноводные барракуды любили караулить неосторожных окуньков. Собственно говоря, острова эти нельзя было назвать плавучими, кое-где они намертво срастались с дном, и все-таки на большей части под слоем кореньев и дерна оставалась свободная вода – схорон, которого и держались щуки. Хищницы таким образом караулили рыбешек на границе света и тени, мы в свою очередь выслеживали их самих.

Возможно, виновата была выпитая под щучек водка, а может, подшутили надо мной сгущающиеся сумерки, но беда случилась, а я так и не понял, как это произошло. Под плавень я нырнул, набрав полную грудь воздуха и какое-то время плыл вдоль кромки, глазами отыскивая знакомый абрис хищниц. Впереди мелькнул щучий силуэт, но я даже не успел поднять ружья. Одно мгновение, и пресноводная субмарина испарилась. Значит, уже знала, что это за опасное сочетание – человек с ружьем... Вновь запотела маска, я впустил чуток воды, помотал головой, возвращая стеклу прозрачность. Пространство вновь прояснело, но я вдруг с ужасом сообразил, что не знаю, где край плавня. Все кругом стало одинаково пасмурным, и все те же призрачные раки равнодушно копошились на дне в поисках корма. Паника ударила в мозг, как пробка от шампанского, я ринулся в сторону, откуда, как мне казалось, я только что приплыл. Пять метров, десять... Плавень и не думал кончаться. Надо мной лохматился кореньями все тот же черный свод. Мне стало жутко. С необычайной ясностью до меня дошло, что жить мне, возможно осталось не более минуты. Сердце пошло биться судорожными толчками. От недавнего беззаботного состояния не осталось ни следа. Как же все глупо стряслось! Глупо и нелепо!.. Я стиснул пальцами горло, пытаясь успокоиться. В голове зазвучал голос инструктора, которому когда-то мы сдавали экзамен по подводному ориентированию. Что-то из советов заблудившимся подо льдом. Всплыть и ждать помощи, экономя воздух. Тот же, что караулит у проруби, заметив обрыв троса, немедленно вызывает подмогу. Подразумевается, что в теплой палатке должен находиться в полной боевой экипировке еще один аквалангист. Нырнув следом на страховочном тросе, он плавает кругами, все более и более удаляясь от полыньи. Тот, что ждет помощи, смотрит в оба. Если не спасателя, то уж трос наверняка заметит! Неплохо придумано, только вот незадача, все это годится для оборотов с аквалангами, а что делать в нынешней ситуации мне?

Что-то в голове все-таки проклюнулось. Стараясь неторопливо работать лапами, я поплыл, описывая неровный круг. Без троса, просто на глазок. Единственный шанс добраться до свободной воды. Плохонький, но шанс. Метров семьдесят я еще как-нибудь одолею, значит, успею исследовать территорию радиусом в десять-пятнадцать метров. Не густо, но иных вариантов нет. Можно, конечно, метнуться наудачу в каком-нибудь одном направлении, однако это

уже откровенная игра в рулетку. Пять патронов и только одно гнездо барабана пустоет. Такой расклад меня не устраивал...

Просвет, показавшийся впереди, вернул надежду. Работая руками, я ускорился. Увы, меня ожидало разочарование. Это оказался не край плавня, – вечерний воздух, жизнь и свободу густо перечерчивали древесные корни. Я оказался возле своеобразной полыньи диаметром в каких-нибудь жалких полметра. Чтобы выбраться на поверхность мне надо было разрушить эту природную решетку, каким-то непонятным чудом протиснуться меж всех этих пут. Впрочем, вопрос так не стоял. Быть или не быть и жить или не жить – именно так формулировалось нынешнее мое задание. И быть, и жить, ой, как, хотелось! Хоть с оговорками, хоть без... Вытащив из ножен водолазный тесак, я разъяренным бульдозером вонзился в это древесное массиво, пальцами, головой и сталью кромсая дерево, взбаламучивая воду, распугивая снующих вокруг мальков.

Верно, говорят, что в экстремальных ситуациях у человека просыпается сверхсила. В ту минуту я познал это на собственной шкуре. Маска, трубка и ружье – все осталось там. Полуослепший, исцарапанный в кровь, я вылез посреди островка и, жадно распахнув рот, стал пить и глотать сладостный воздух. Капли дождя остужали пылающее лицо, хотелось смеяться и плакать. Может быть, даже навзрыд. Цепляясь руками за кочки, я выполз на сушу окончательно. Лунка грязной воды была совсем крохотной, но именно это оконце меня и выручило. Озеро поблескивало метрах в тридцати. Никакое плавание кругами меня бы не спасло. Спасло провидение, спас ТОТ, мановением которого на этом островке появилась эта маленькая полынья. Так мне, во всяком случае, хотелось думать.

Поднявшись на дрожащие ноги, я двинулся в сторону берега. Ни щук, ни раков больше не хотелось. Я остался жив, этого было достаточно...

Мне часто снились потом эти мгновения. Стремительный переход от ожидания смерти к сладкому освобождению. Словно издеваясь, память трепетной рукой смахивала пыль времени с потускневших видеокадров. Вот и теперь, спустя годы, все вновь вернулось. В мельчайших подробностях. Отчего? Почему?.. Может, как некое предупреждение? Как очередной укор совести?.. Впрочем, все могло обстоять гораздо проще: сон наваял дождь, что стучал по крышам. Небо над Бусуманском, как и тогда – над ушедшим в былое Таватуем, сумрачно плакало, хмарь зябким клейстером окутывала вселенную. Не без труда мне удалось снова забыться в дреме. Чтобы не слышать дождя, голову я накрыл подушкой.

Утром я уже ничего не помнил. Да и к чему вспоминать, когда все разительно переменилось. В природе, а значит, и во мне самом. Открыв глаза, я сразу понял, что мне хорошо, что некто нажал невидимую кнопку, озарив затхлые уголки мироздания теплым светом. Плотная пелена туч, зависших над Бусуманском, спешно рассеивалась, любопытствующее солнце, этот зрачок небесного великана, нашло таки брешь, жарко глянув на землю. И тотчас случилось чудо: над морем, видимым из нашего окна, распахнулась радуга – яркая, огромная, новорожденной спелости. Она казалась материальной и плотной, провоцирующей с разгона взбежать по ее округлой спине до самого верха. Поднявшись, я замороженно приблизился к окну. Посмотреть было на что. Солнце продолжало дробить остатки туч, рассеивая их в прах, обращая в бегство. Мир на глазах расцветал, наполнялся играющими бликами. Спать уже было просто невозможно. Хищным движением, точно прижимая кошачий хвост, я наступил на солнечного зайца. Ничего не вышло, он даже не ворохнулся, легко и просто оказавшись сверху. В этом и таилась загадочная мощь солнца. Сила всех истинных мудрецов – всегда оказываться НАД обстоятельствами, как бы их ни душили и ни прижимали.

Стараясь ступать тихо, я выбрался на крыльцо. Во дворе уже кипела своя особая жизнь. Куры, вздрагивая головами, бродили взад-вперед, что-то бодро склевывали с земли, удовлетворенно кудахтали. Горластые воробьи стремительно пикировали им в лапы, воруя чужое и потому более лакомое. Под кустом колючей ежевики сидела девочка. На коленях она держала пару котят и с прилежностью будущей отличницы учила их мяукать.

– Вы котята, вы должны говорить «мяу». Слышите? Ну говорите же! Мяу, мяу!

Слабые пушистые создания возились, пытаясь вырваться из плена, однако мяукать наотрез отказывались. Зато громко мяукала их мать, с беспокойством описывая круги вокруг девочки. Высоко в небе парил некто хищный, похожий на коршуна. Не двухглавый, а значит, и не слишком российский. Дворовая суета его, по всей видимости, тоже чем-то привлекала. Должно быть, разглядев мать, один из котят издал наконец жалобный писк. Следом за ним радостно взвизгнула девочка.

– Мама! Иди сюда! Я научила их мяукать! Они не умели, а я научила!..

Мне стало совсем хорошо. Словно кто погладил меня по голове, заверив, что все в конце концов обойдется, что и меня в жизни кто-нибудь когда-нибудь научит мяукать.

Я вернулся в комнату. Народ уже проснулся, однако вставать не спешили. Вместо утреннего кофе Леший выдавал очередную сказку. Про русско-японскую войну тысяча девятьсот пятого года, про трагедию «Осляби», перевернувшейся в самом начале боя, о командах кочегаров и артиллеристов, вынужденных вместе с кораблем спускаться в мрачные морские пучины.

– ..В тусклом электрическом свете люди наблюдали, как медленно заполняет пространство вода. Дым чадающих топок, угольная пыль, жара... Те, кто успел задраить переборки, считали секунды, с ужасом наблюдая, как прогибаются под нарастающим давлением металлические стены. Должно быть, и корабля своего они уже не узнавали. Пол, потолок – все поменялось местами. В некоторых отсеках царил полная мгла. Наверное, и паника была страшная. Самая жуткая смерть, если вдуматься. Не от снарядов, не от пожара, а именно такая – растянутая по времени, с осознанием полной своей невозможности что-либо изменить...

Вараксин даже не рассказывал, он словно вспоминал то, что происходило с ним самим, дополняя картины описанием таких мелочей, знать которые он, конечно же, не мог. Оттого и слушали его с напряженным вниманием. Это становилось уже традицией – с утра вместо зарядки исторический экскурс в ту или иную эпоху, вечером – на сон грядущий в качестве колыбельной – какой-нибудь ужасник про революционные репрессии в Одессе, про мучеников столыпинских вагонов, про политические ошибки Колчака. Благодарная публика внимала Лешему, охая и чертыхаясь, вспоминая, должно быть, своих мам и бабушек, потчевавших совсем иными сказками. Сам того не ведая, Леший касался заповедных ностальгических струн, и слушали порой не про барона Врангеля, не про похищенного красными генерала Кутепова, – слушали просто его голос. И я слушал, хотя никто мне и никогда сказок не рассказывал.

Уже три дня мы жили в этом доме и в этой комнате. Три койки и пять человек. Вертепа хозяйке избежать так и не удалось. На второй день она вновь пожаловала в гости и вполне доброжелательно попыталась спровадить нас вон, однако Джон, уже малость отошедший от солнечных ожогов, взял гитару и, подмигнув нам, удалился в хозяйскую половину. Разумеется, хитрюга рассказал доверчивой женщине про тачанку и бедных махновцев, разумеется, спел все самые трогательные песни, какие знал. Невозможное свершилось. Златокудрый агитатор сумел завоевать расположение домовладелицы. Вернувшись, он хозяйственно объявил:

– Вараксину починить флюгер, Билу помогать поливать сад, дамам поддерживать образцовый порядок. Таковы условия капитуляции.

– Интересное дело! Мы чиним и поливаем, а ты?

– Зачем тебе это?

– Как это зачем? Ты думаешь, я полезу на крышу, зная, что ты в это время будешь дрыхнуть где-нибудь на солнышке?

– Глупец! Что можно взять с художника? Разумеется, с меня – концертная программа, ежевечерние две или три песни, – Джон потрепал Вараксина по голове. – Без этого, мой милый, всем вашим усилиям – грош цена. Я не хотел говорить. Из деликатности. Но ты сам настоял...

Увы, крыть нам было нечем. Все так и сделали. Мне пришлось таскать хозяйские ведра с водой, Вараксин, вооружившись инструментом, сползал на крышу и войлоком добрых полтора часа отдраивал жестяного петуха. Поработал он на славу, выпрямив стержень, на котором крепился петух, смазав старенький подшипник. Заблестевшая пичуга ожила, закружившись под ветром с развеселым скрипом.

Впрочем, на повестке дне оставались и иные немаловажные вопросы. Во-первых, Леший продолжал прозябать в одиночестве, а во-вторых, нам не нравилось сидеть на чужих шеях. Когда трое здоровых увальней падают на хвост двум дамам, это крайне неблагородно. А посему в тот же день, не взирая на зудящие спины и не сошедшие синяки, мы прикрылись темными очечками и отправились на добычу валюты. Выйдя на указанную Кешей площадь возле местного кинотеатра, мы выкрутили регуляторы громкости до упора, настроили гитары и ударили по струнам. Концерт вышел разудалой и рекламу нам сделал неплохую. Народу здесь и впрямь оказалось куда больше, да и мы рядом с кустарями, торгующими разными безделушками, смотрелись более естественно, чем на побережье среди бюстгальтеров и плавок. Разумеется, Джон не постеснялся объяснить и причину нашего шпионского вида. На секунду мы одновременно приподняли очки, продемонстрировав героический макияж, а Джон рассказал душераздирающую историю про железнодорожных грабителей, про схватку на крыше вагона, про нынешний наш финансовый вакуум. Публика восприняла объяснение с должным юмором. Денег нам отсыпали прилично, но самое занятное, что среди пятисоток и тысячных неожиданно вновь оказалась двадцатидолларовая купюра.

– Мужики, нас явно кто-то любит! – Джон ласково разглаживал американскую бумажку. – Сегодня же покупаем маски, ласты и трубки, а в следующем концерте надо обязательно посвятить одну из песен таинственному спонсору.

Мы не возражали. Искомое было приобретено, а ужин вышел просто царским. На следующий день Джон и впрямь сделал перед публикой объявление, от души, сердца и желудка поблагодарив таинственного незнакомца, призвав к сознательности всех прочих сограждан. Сограждане весело посмеялись, но доблестному примеру отчего-то не последовали. Впрочем, когда мы отпели и отыграли свое, в цилиндре вновь оказалась зеленая купюра. Чудо неназойливо повторилось.

– Кто же нам это кидает? Вот бы взглянуть хоть одним глазком!

– Попробуй. Я следил в оба, но так и не понял. Двое пузанов с цепями подходили, но, по-моему, раскошеливались нашими деревянными.

– Может, он инкогнито сохраняет? Заворачивает двадцатку в десяти тысячную и кидает?

– Ничего! Рано или поздно уличим хитреца!

– А не спугнем? Так ли уж важно знать, кто он – наш безымянный герой?

– Может, и так, да только страна должна знать своих героев! Человек не просто отстегивает двадцать баксов, – он за искусство платит! А это, согласишься, для нынешнего времени нехарактерно.

– И нетипично!

– Во-во!..

Снедаемый любопытством, Джон выдал жесткие указания нашим подругам, указав, где стоять и как наблюдать. Цилиндр мы решили передвинуть ближе к себе, а в паузах между песнями Элиза или Татьяна должны были ходить с ним по кругу, собирая дань. Таким образом, нам казалось, выявить тайного благодетеля будет легче.

– Дураки вы, – напутствовал Леший. – Спугнете дичь, и кончится наша лафа.

Он был отчасти прав. Весь сбор деревянных не превышал ста тысяч, и ровно столько же мы должны были платить за постой. Флюгер – флюгером, полив – поливом, но и деньгам хозяйка счет знала. И потому волшебные двадцать баксов давали нам банальную возможность выживать. Не будь их – плавать нам и плавать в поисках рапан. Однако и любопытство – вещь крайне серьезная. Проспорив до хрипоты, общим голосованием Лешего мы все-таки задавили. Тайного спонсора решено было выявить...

Размышляя о богатстве и бедности, о желании помогать и желании копить, я рассеянно перебирал струны. Без усилителя электрогитара сипела, словно вконец прокуренный голос. Радуга, к сожалению, растаяла, но день, судя по всему, обещал быть замечательным. Вытащив из под коек аппаратуру, мы проводили очередную настройку инструментов. Увы, здешний климат неважно влиял на гитары, ноты уплывали вверх и вниз в совершеннейшем беспорядке. Одной-единственной ночи хватало, чтобы привести в негодность всю предыдущую настройку. И хотя утверждают, что тропические голоса самые звучные и самые страстные, наш инструмент, рожденный на севере, проявлял неблагозвучное своеволие. Да что – инструмент! – собственные наши связки не слишком слушались хозяев. Джон пускал голос на подъем, следом с фазовой сдвижкой затягивали мы. Но все время что-то сбивалось. Уже на второй фразе становилось ясно, что мы фальшивим. Вараксин, наш главный слухач, говорил Джону и мне, где надо брать чуть выше или ниже, ругаясь, требовал, чтобы нечто подобное объяснили ему и мы. Сам он свой голос слышал плохо. Мы же его уникальным слухом не обладали, а потому советы давали такие, что он принимался бессильно рычать. Так или иначе мы начинали петь снова и снова, пытаясь наугад нащупать нужную тропку трезвучия.

– Завтрак! – объявила прибежавшая с кухни Элиза. – Все готово, господа музыканты!

Мы вышли во двор. Приготовленные дамами салаты поджидали нас на столе. Залитые сметаной, помидоры с огурцами и перцем, горка нарезанного хлеба, плюс компот из сливы и алычи. Дешево, сердито и комфортно. Наши соседи уже позавтракали, и большой стол под навесом, густо оплетенным виноградными лозами, был в полном нашем распоряжении. Черные, собранные в крепкие гроздья виноградины, испускали антрацитовое сияние, сливаясь в гигантскую ежевику. Со стороны мы, должно быть, напоминали насекомых, устроивших пикник на огромном ежевичном листе. Покачив головой, я подумал, что фотоаппаратом такое не взять. Плоско получится, без магии, без сияния. Даже видео, говорят, уступает киноэкрану. Да что говорят, – сам видел. Те же «Утомленные солнцем» по видео и на экране – две великих разницы! А ведь экран – тоже всего-навсего тень, искаженный образ реального...

После салатов подали овсянку с мидиями – специфическое блюдо, на приготовлении которого настоял шибко эрудированный Вараксин.

– Делали все по рецепту, – сообщила Татьяна. – Но не уверены, что вкусно.

– Главное – полезно и питательно! – ответил Вараксин. – Французы без моллюсков дня не живут, а вы морщитесь.

– Ну, а с овсянкой-то их зачем мешать?

– Овсянка, сэры, – тоже вещь! Любой конь вам это подтвердит. Не говоря уже об англичанах. А мидии, к вашему сведению, в магазинах дороже сосисок стоят. Потому что настоящий белок! Не чета больной говядине. Думаете, почему Джон так и не вырос? Да потому что не ел в детстве моллюсков. Скажи честно, Джон, кормили тебя в детстве мидиями?

– Меня кормили молоком, булками и колбасой, – Джон брезгливо отгребал кусочки мидий в сторону и во всю уписывал овсянку. – А маленький я потому, что отец мой студентом практику проходил в Муслимово и в озере Карачай купался.

– Что это еще за Муслимово?

– Муслимово, необразованный ты мой, это село в Челябинской области. Столько книг прочел, а про Муслимово не знаешь.

– Ты толком объясни!

– Объясняю толком. Слышали про Челябинский «Маяк»?.. Вот оно самое и есть. Когда долбануло, наши секретчики, разумеется, продолжали держать рот на замке. Никто ничего не знал, и ребят гнали на практику в зараженную область. Геодезическая разведка и все такое... Батя еще удивлялся, что деревни пустые стоят – ни собак, ни кошек, ни одной живой человеческой души. А студентики – народ без претензий. Надо, значит, надо. Так и жили в палатках, копали шурфы, в озерах по вечерам бразгались, из колодцев пили.

– Ого! – присвистнул я. – Получается, что ты радиационный мутант?

– Вроде того, – важно и горько подтвердил Джон. – При облучении так всегда. Либо коньки отбрасывают, либо гениями становятся.

– А отец-то как себя чувствует?

– Да ничего. Даже не облысел, – Джон задумчиво тряхнул своими рыжими кудрями. – Должно быть, вся радиация в мой голос ушла.

– А я море люблю, – неожиданно признался Леший.

– Это ты к чему?

– Да вот про отцов заговорили, я и вспомнил. Мой-то отец в Ирбите родился. Это вроде Ленинграда – на слиянии двух рек. Одна, кстати, Ницей называлась. Базар у них располагался прямо на болоте, люди по кочкам прыгали, торговали и покупали. А по весне совсем как в Венеции начинали жить. Отец и впрямь думал, что это и есть море. Самое настоящее. Реки разливались, все первые этажи наполовину оказывались в воде. На подоконники и сундуки настилали доски, по ним и ходили. На работу на лодках ездили. Отец таким образом зарабатывал. Трешник – до завода, еще трешник – обратно. Как такси. Ну и ловили по пути все, что плавало, пускали потом на дрова. Крыльцо у них приставное было – так тоже всплывало. Гоняли на нем, как на плоту. Корову, кстати, тоже в сарайчике на второй этаж поднимали... – Вараксин задумался. – Отец рассказывал, что мышь однажды убил. Вилкой. Ели вот также каких-нибудь мидий, а под обоями на стене зашуршало. Он – бац и прищучил ее.

– Фу! – Татьяна зажала рот ладонью и стремглав бросилась из-за стола. Джон неделикатно гоготнул.

– Еще отец рассказывал, что улицы у них мостили не камнем, а чурбаками. Вбивали в землю друг подле дружки, а по срезам ходили. Любили играть в ляпы на реке, бегали по сплаву, тонули. Кстати, и рыбы в те времена водилась пропасть! Отец с братьями дневал и ночевал на этой самой Нице. После войны-то бедно жили. Одной рыбалкой и спасались. Нельму ловили, сорог, подъязков. Креветки, между прочим, тоже свои имелись. Только там их почему-то пикулями звали. Такие белые червячки в глине. Вроде апарышей. Клевало, рассказывает, на них здорово...

– Пойду погляжу, что там у Тани, – Элиза торопливо выскользнула из-за стола.

– Хорошо, что у нас желудки крепкие, – Джон с ухмылкой посмотрел ей вслед.

– А что я такого сказал? – Леший очнулся. – Обычная жизнь, чего тут пугаться?

– Действительно, подумаешь – мышь вилкой... Интересно, что расскажет про своих родителей Бил? Небось тоже откопает что-нибудь неаппетитное?

Я пожал плечами.

– Мне рассказывать нечего. Я ж не вы, я – деревенщина неумытая. Потому и удрал в город. Умыться и приодеться.

– А родители?

– Родители? Хмм... Знать бы, что это такое. Родителей у меня, братцы, не было. Отец пил, а не был. Мать умерла, когда мне и года не исполнилось. Я ее даже не помню.

Вараксин с Лешим опешенно молчали.

– Ты никогда этого не рассказывал.

– Вы тоже не рассказывали про радиацию с червяками.

Джон, крикнув, взглянул на меня со странным выражением на лице.

– Сдается мне, Кирюх, что ты нас переплюнул...

Глава 2 ШЕСТЬ СТРУН, УВЫ, – НЕ СЕМЬ

На бетонном бортике сидели заявившиеся на наш концерт загорелые малолетки. Облупленные носы, шорты, всклокоченные головенки. Пожалуй, внимание их было даже более лестно, нежели восторг взрослых сословий. Последние, ясное дело, – всегда скучают, – готовы глядеть хоть в окно, хоть в телегроб, а вот попробуйте-ка отвлечь детей от их ежедневных игр! Черта-с два у вас что-нибудь выйдет! А если выйдет, то значит, вы того стоите. Честь вам и хвала!.. Я поглядывал в сторону юных зрителей и мысленно веселился. До того они были славные и забавные. Конопатый карапуз, видимо, уже знакомый с нашим репертуаром, показывая на нас, деловито объяснял соседям, что «сейчас они приготовятся и станут играть, и что особенно ему нравится песня про кота Базилио, который скитается по свету, но нигде не может отыскать рая обетованного, что громче всех орет вон тот маленький с волосами до плеч, а самая четкая гитара у долговязого». Малец вел себя серьезно и обстоятельно. Будь он лет на двадцать постарше, вполне сошел бы за нашего менеджера. Приятели его, впрочем, вели себя более раскованно – колупали пальцами в ушах и носах, с удовольствием острили на свой детский манер.

– А анекдоты они рассказывать будут?

– Они же поют! Какие анекдоты!..

– А я могу! Могу рассказать один анекдот! Даже два... Маленький мальчик по стройке гулял, рядом, пыхтя, грузовик проезжал...

– Знаю, знаю! А ты... Ты знаешь, как переводится слово «Дуня»?

– Так это же имя!

– Нет, не имя! Не имя!.. Ты скажи, знаешь, как оно переводится?

– Не знаю.

– Дураков у нас нет!

– Чего?

– Ну так ты что, не понял? «Д» – дураков, «у» – у нас, «н» – нет.

– А «я»?

– Ха, ха! Значит, есть!..

Кругом уже всю толпился народ. К нашим выступлениям помаленьку привыкали. Появились даже свои фанаты. Люди усаживались прямо на тротуар, некоторые предусмотрительно расстилали газеты. Под акациями за нашими спинами в несколько минут успели вытоптать целую лужайку. Сметливая компания притащила деревянную скамейку. На нее взгромоздилось сразу человек десять. Заранее запасались пивом и мороженым. Словно в театре обмахивались открытками и платками, терпеливо ожидали первого звонка. Торговцы картинами и сувенирной чепухой ревниво поглядывали в нашу сторону. Должно быть, и в лучшие из дней подобной толчеи здесь не наблюдалось. Оно и понятно! Не было еще здесь настоящих артистов! Очень уж мал городок Бусуманск для великих... Словом, народ проявлял нетерпение, мы же продолжали держать паузу, умело нагнетая напряжение. Кто мы такие, здесь уже знали, а посему просто глупо было начинать сразу. Следовало подготовить публику, внушить ей мысль о важности происходящего. Джон этаким возгордившимся часовым прохаживался взад-вперед со своей двенадцатистрункой, Вараксин озабоченно копошился возле проводов и усилителя. Медлительно теребя струны, я продолжал с любопытством прислушиваться к разговорам пристроившихся поблизости детишек. Я словно внимал голосам из иного полузабытого мира.

– Ты знаешь, почему утонула Атлантида?

– Нет.

– Лед растаял, и она утонула.

– А почему ее не достанут?

– Ну так это ведь невозможно!

– Почему? А на лодке?

– Все равно нельзя!

– И на катере?

– И на катере невозможно!

– Все возможно!

– А это – нет!

– Так не бывает. Всегда все возможно! Ты вот в секцию записался, стал лучше плавать, правильно? А раньше совсем не умел. Значит, все возможно!

Белобрысый парнишка задумался, подбирая контраргументы. Белесые бровки напряженно сошлись на его переносице.

– Нет, не все, – упрямо повторил он. – Вот любовь, например, да? Ее за деньги можно купить?

– Нельзя.

– Вот видишь! А ты говоришь, все возможно. Атлантида – она, может быть, глубоко теперь. Как ты ее достанешь?

– А нырнуть?

– Так воздуха не хватит. Под водой же не дышат.

– Можно накачать воздух в шарик и с собой взять.

Белобрысый парнишка в отчаянии вновь задумался. Он чувствовал, что по сути он прав, но доказательств у него явно не доставало.

– Дяденька, – обратился он ко мне. – Вот скажите ему. Ведь Атлантиду уже не достать, правда?

– Скорее, нет, чем да, – уклончиво пробормотал я. – Но лучше бы вам спросить это у Лешего. То бишь, вот у того дяденьки. Он знает все и про все на свете.

Но обратиться с вопросом к Вараксину эрудированные дети не успели. Джон, решивший, что народ в достаточной степени созрел, вдарил пятерней по струнам и грозно рявкнул:

– Милостивые дамы и господа! Трио из Екатеринбурга продолжает свои гастроли! Осмелюсь напомнить, что мы не миллионеры, поэтому не стесняйтесь проявлять свои добрые чувства. Перед вами вместительный цилиндр, некогда сидевший на голове самого Бальзака. Великий Оноре вас бы понял. Поэтому не жалейте пятаков, господа, а мы не пожалеем своих плоток...

Угадав короткий вступительный наигрыш, Вараксин тронул басовые струны, и гитара его молотнула по ушам собравшихся тяжким гулом. Публика послушно примолкла. Тех же, кто еще продолжал переговариваться, через секунду оглушил зычный вопль Джона:

*Когда с тобою пьют,
Не разберешь по рожке,
Кто – прихвостень и плут,
Кто – попросту хороший...*

Слова принадлежали поэту Чичибабину, мелодию сочинил Леший. Начинался очередной концерт, детишки, сидящие по правую руку от меня, все до единого замороженно распахнули рты. Я подумал, что неплохо бы специально для них сбацать песню битлов про неподкупную любовь. Жаль, правда, не поймут по-английски. Или поймут, акселераты этакие?.. Чтобы не рассмеяться, глядя на восторженные детские рожицы, я отвел взгляд в сторону и сразу увидел моего «птенчика»...

Нельзя сказать, что это было какое-то наваждение, но концерт и впрямь проходил где-то вне моего сознания. Машинально работали руки, машинально пристукивал по асфальту каблук. Я вытягивал заученные фразы, но что-то мешало мне обуздать явь, стать ее полноправным хозяином. Мы замолкали, перебрасывались дежурными шуточками, Элиза с цилиндром обходила публику, а я все никак не мог оправиться. Несколько раз во время песен выдавал ляповые аккорды, и Вараксин бросал на меня вопрошающие взгляды. А я и сам не знал, что со мной творится. Девушка-птенчик стояла в каких-нибудь десяти шагах от меня, и я каждую секунду чувствовал ее взгляд. Черт его знает почему! На нас глядели десятки иных глаз, но то памятное по кафе ощущение сбивало мысли, мутило все в единое клубящееся облако. Как если бы на илистом дне, где лежала потерянная монетка, вдруг кто-то взял и взболтнул ластами. Место, где она стояла, превратилось в недосыгаемую для зрения зону. Я видел все, что находится правее и левее, но вместо девчушки наблюдал какое-то размытое пятно. Она была там, и одновременно ее там не было. Кажется, с ней опять был сопровождающий – на этот раз высокий крепыш в бежевом пиджачке. На нас он взирал с откровенной скукой и безостановочно месил челюстями резинку.

Время не текло, – оно несло вскачь, прыгая по песенным кочкам. Меня обдавало брызгами, смысл и мелодия доходили до сознания какими-то несвязными фрагментами. Когда мы уже подбирались к финальным песням, Элиза что-то шепнула Вараксину, и я понял, что в цилиндре вновь оказалась двадцатидолларовая купюра. То есть, понял я даже не это, а то, КТО же именно туда ее положил.

– Ты чего, Кирюх? Белены объелся?

Я очнулся. Если это говорил Джон, значит, и впрямь следовало брать себя в руки. Вараксин в таких случаях ограничивался одними взглядами. Встряхнувшись, я с решительностью огляделся. В самом деле, чего это я? Лет десять уже не мальчик, и вдруг нате вам, засмутился!.. Но ее уже не было. «Бежевый пиджачок» увел птенчика. И опять, как тогда в кафе, я ощутил смутное сожаление. Даже песня про кота Базилио, которая обычно захлестывала мою музыкальную персону от пят и до макушки, на этот раз меня почти не расшевелила. Молодежь кругом не жалела ладоней, карапузы на бетонном бортике тоже очумело хлопали. Джон с Вараксиным подобно аккумуляторам впитывали в себя все это буйство, трансформировали в тембр, в фонемы, ответно бомбардировали публику. Обычное дело! Артист – в роли рефлексора. У меня же на сегодня получалась лишь жалкая имитация, и я совсем не удивился, когда вместо запланированных «Кашалота» и «Братьев по Разуму» Джон принялся за старые проверенные песни Никольского и Бобби Вильямса. Парни заметили мое состояние и чуток подкорректировали программу. Ладно, хоть не стали петь какую-нибудь «Глюкозу». А то был у нас опыт – сбацили на улице пародию, и какие-то салажата-тинэйджеры нас же банками из-под пива и забросали. Оказалось, двенадцатилетние фанаты тоже умеют драться за своих кумиров...

Посреди концерта какой-то толстяк в тубетейке, видимо, основательно подогретый пивом, прорвался к нашему солисту. Нет, драться он не хотел, – всего-навсего попытался заказать свою любимую частушку. Но Джон проявил твердость и решительно закрутил головой. И правильно. Дашь слабину одному, сядут и другие на шею. А мы сюда не зарабатывать приехали, а от-ды-хать. Как все прочие. И почему, спрашивается, прочие могут, а мы нет? В таком вот духе он и объяснился с хозяином тубетейки.

Тем временем люди продолжали пританцовывать на тротуаре, многие подпевали. Против этого мы нисколько не возражали, но на всякий случай Джон повторно извинился, громко объявив, что на заказ мы не поем. Только свое или то, что нам нравится. Публика поняла нас правильно, толстяка в тубетейке за подол халата оттащили в толпу. Концерт благополучно приближался к завершению. В меру визжали девчонки, не слишком агрессивно рвались поко-

решиться с «клевыми музыкантами» какие-то столичные хиппи. Мало-помалу и я оклемался. Последнюю песню мы исполнили вновь в три голоса. Зрители, как мне почудилось, остались довольны...

– Ну-с?.. – подбил бабки Джон по завершению концерта. – Кирюха у нас сегодня был совсем убитый, однако денежки все равно собраны рекордные, что, кстати, тоже наводит на определенные размышления.

– Какие размышления?

– Да так... Сдается мне, если даже вы оба будете не в ударе, публика все равно ничего не заметит.

– Не лопни от величия, вашскородь!

– Да ладно!.. Нам бы еще девочку голосистую – вроде Кати Русаковой, тогда, верняк, всех бы за пояс заткнули.

– Да уж Катя – песенница что надо. Только она ведь свое поет.

– И пусть поет. Уж как-нибудь разобрадись бы...

– Да уж, богата земля уральская

Провода мы уже скрутили, гитары успели зачехлить. Элиза только что помогла Джону пересчитать заработанное. С нежностью наш вихрастый солист разглаживал на колене двадцатидолларовую бумажку.

– Только взгляните на эту физиономию! Какие глаза, какие букли! Отчего я его так люблю?

– Видимо, у тебя нездоровый интерес к мужчинам.

– Не ко всяким, заметь! Только к тем, кто изображен на зеленых купюрах. Тут я с Билом, пожалуй, согласен. Трудно любить плотины, музеи и памятники... Но самое главное, господа, – спонсор не дремлет! В итоге имеем двести семнадцать тысяч плюс фантик производства ю-эс-эй. Неплохо, а? И никаких тебе дурных налогов, никакого дележа!

– Не сглазь, ворона! – отозвался Вараксин.

– Это ты Билу скажи. А я так, братцы, полагаю, что сегодня вместо вечерних салатов мы можем себе позволить увеселительное заведение.

– Типа кафе или ресторана... Эй, Лизок, водятся здесь подобные заведения?

– Водятся, наверное.

– Ну вот! Устроим маленький, но удаленький банкет со скромным тостом за успех предприятия.

– И чтоб икнулось жадюге Клозету!

– Кстати, уверен, у него мы заработали бы меньше. И не было бы при этом никакого моря, никакого солнышка...

– Хлеб да соль, братишки!

Мы обернулись, и красноречие нас разом покинуло. Они неспешно выбирались из темного «опеля», и их было трое. Едва взглянув на непрошенных гостей, я сразу понял, что Джон сглазил. Налоги в стране советов успешно учились платить, а дележом россияне занимались сызмальства. Нынешние визитеры хотели нам об этом только напомнить.

Глава 3 РЭКЕТ КАК ЗЕРКАЛО МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Более всего меня удивило то, что ребяташки даже не пожелали дожидаться, когда разойдутся последние зрители. Видимо, горел план, – спешили. Вараксин, первый смекнувший, что к чему, успокаивающе положил ладонь на плечо Джона и буднично поинтересовался:

– Комбьен?

– Чего?

– Сколько, спрашиваю?

– А половинку, мы не жадные.

– Вот спасибоочки! – Джон фыркнул. – Может, вам еще ящик каце подарить?

Я поморщился. И ежу было ясно, что с этими оглоблями следует держать себя иначе. Впрочем, двое грудастых и плечистых, застывших чуть в стороне, меня мало интересовали, толковать нужно было с причесанным типчиком в джинсовом костюмчике. Хуже всего было то, что я его узнал. Тот самый гриф-мафиозо из кафе. Впрочем, на грифа, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, он вряд ли тянул. Этаким малогабаритный кощей – ростиком не выше нашего Джона, с узкими плечиками, совершенно без шеи, что и создавало ощущение птичьей нахохленности. Джинсики, впрочем, этот кощей носил вполне стильные, да и цепь на шее была явно из желтого металла. Смуглое лицо южноамериканского индейца, колючий взгляд, неровный стежок шрама поперек правой брови. Аккуратный, надо сказать, стежок, – явно поработал хирург-косметолог. У наших парней в секции рассечения получались куда более безобразными. Не те капиталы, не те возможности. У этой птички-невелички с возможностями дела, как видно, обстояли неплохо. Так или иначе, но я всеми фибрами ощутил проистекающую от мужчины опасность. Грифом он, возможно, не был, однако к разряду коршунов принадлежал наверняка.

Помню, сходное чувство захлестнуло меня, когда четыре года назад приятели тайком показали мне на присутствующего в зале Каспия. Я еще не знал, кто он такой, но пленочка пота сама собой выступила по всему телу. Передо мной находился убийца, я ощутил это с оглушающей ясностью. Все равно как увидел на светофоре мигающий красный. Об этом, кстати, тоже трепался как-то Вараксин. «Желтых» людей, по его словам, насчитывается подавляющее большинство. Они серы, невзрачны, умело и не очень умело маскируется, хотя зачастую и маскировать-то им нечего. «Зеленых» людей мы чувствуем по глазам, по улыбке. Именно с ними тянет на разговор, на исповедь, именно их хочется иметь в числе первых друзей. Они распахнуты и открыты, готовы полюбить весь мир. Иное дело – категория «красных». Эти отпугивают на дистанции, неосознанно вызывают желание ошетиниться. Почему? А черт их знает! Возможно, потому, что становится очевидным: они не просто могут ЭТО сделать, они ЭТО делают. Вот и у Каспия угадывалась некая аура ужаса, отражающаяся на лицах окружающих легкой паникой. Помню, Каспий возжелал тогда пожать руку Банькову, тогдашнему нашему чемпиону города. Рукопожатие состоялось, но я по сию пору не забуду, как икал побледневший чемпион, держа в своей лапище тощую и волосатую кисть блатного. Ничего не страшившийся на ринге, боец тоже ощутил окативший его холодок безжалостности. Кстати, именно тогда я понял, чем отличается хладнокровное убийство от убийства, совершенного в состоянии аффекта. На аффект так или иначе способен каждый, хладнокровно уничтожают только такие, как Каспий, – волки, неведомым образом затесавшиеся в людскую стаю. Кощей, стоявший перед нами мало напоминал Каспия внешне, однако знакомый запах заставил ворохнуть в памяти поросшие плесенью воспоминания. Он тоже был одним из НИХ.

Лихорадочно я все еще перебирал в голове оптимальные варианты поведения, когда снова заговорил непоседа Джон. Златокудрый наш ангел по собственной инициативе решил поиграть в крутого.

– А вообще-то ты кто? – он фамильярно похлопал «индейца» по плечу. – Крыша? Так у нас все давно оформлено.

– Поясни? – выражение лица «индейца» ничуть не изменилось.

– А чего тут пояснять? Отстегиваем, да не тебе. Есть эцелоп покруче. Из ментовки, ясно? А ясно, значит, гуляй.

«Индеец» полуобернул голову, и в одну секунду его плечистые помощнички очутились рядом. То, что последовало дальше, наглядно доказывало, что рейтингом мы обладаем нулевым, и церемониться с нами никто не собирался. Огромный детина с золотыми печатками на пальцах игриво толкнул Джона в грудь, чуть не сшибив с ног, хотя было ясно, что толкнуть он мог раз в десять сильнее. Обтягивающая торс футболка наглядно демонстрировала пользу ежедневных занятий на тренажерах «Кэтлер». Мальчик был безусловно красив и весил, должно быть, не менее центнера. Где-нибудь в блокадном Ленинграде он запросто накормил бы своим мясом добрых полсотни людей. Угораздило же его родиться здесь!..

– Ты чего гонишь, в натуре? Какая ментовка, пенек? – тонкую шею Джона сграбастала мощная пятерня. – Мы же вас уроем! Не сходя с места! Хочешь сдохнуть?

– *C'est trop fort!* – пробормотал Леший и рванулся на выручку. Он был прав, ребята хватили через край, хотя им самим так, разумеется, не казалось. Напарник красавца, загорелый малый с необъятной шеей и татуированными кистями, оказался проворней Лешего. Основанием ладони он довольно профессионально хлопнул Вараксина в висок и, ухватив за шиворот, медленно опустил на бортик. Краем глаза я заметил, как стремительно рассасываются вокруг остатки публики. Что-то хотела сказать Элиза, но, ступив вперед, только немо распахнула ротик. Страх достал и ее. Татьяны и вовсе след простыл. Где вы, где вы, времена самоотверженных декабристок?.. Меня, впрочем, по-прежнему беспокоил только «индеец». Прямо таки печенкой я чувствовал, что ссориться с ним категорически возбраняется. И оттого грусть с печалью все сильнее завладевали моим сознанием. Ешкин кот! Если бы они не обращались с нами столь грубо! Нельзя же загонять крысу в угол. Мы, конечно, не крысы, но тоже можем укусить. Не со злости, так со страха...

Так и не придумав убедительной речи для неожиданных гостей, я сделал первое, что пришло на ум. Скакнув к «индейцу», взял его горлышко в замок и пяточкой накатил по копчику красавцу. Качественно накатил! Потому как не фиг душить людей! Руки прочь от Джона!.. Ударчик был из разряда подлых, но действовал безотказно. Если, конечно, попасть куда нужно. Я попал, и, вырвавшись из ослабевших пальцев верзилы, Джон с яростью униженного обрушил град ударов на посиневшее лицо противника. Тот так и застыл, чуть полусогнувшись, не делая ни единой попытки сдвинуться с места. Джон моментально разбил ему нос и губы, брызнувшая кровь часто закапала на асфальт. Сомневаюсь, впрочем, чтобы красавец что-либо чувствовал. Хороший удар по копчику способен вызвать такой шок, что можно смело укладывать на операционный стол, без всякой анестезии удалять аппендицит, почки и прочие сомнительные органы – пациент ничего не заметит.

– А ты, фофан, отползи чуток влево, – объяснил я второму. – Иначе через секунду получишь вместо мяча головушку своего шефа.

Дабы усилить эффект сказанного, я малость ужесточил хватку. Я бы не удивился, если «индеец» выдал бы хрипато-петушью, однако он лишь прикрыл глаза. Стойкий, стервец! Было видно, что ему плохо и больно, но он продолжал молчать. Впрочем, «фофан» все понял и послушно отрулил в сторону. На безопасной дистанции, задыхаясь от злости, выпалил:

– Вы покойники! Слышите? Покойники все до одного!

– Иди ты!.. Фильмов насмотрелся? – я фыркнул. – Что еще скажешь?

– А тебя мы сегодня же достанем, не веришь?!

– Верю, а как же!.. – я чуть напрягся и ступни миниатюрного босса закачались над троуаром. На этот раз играть в героя ему стало по-настоящему трудно. Практически я подвесил его за шейку, и «индеец» с натугой прохрипел:

– Заткнись! Ублюдок!..

«Фофан» испуганно замолк и даже, как мне показалось, чуть вытянулся. Худшие из моих опасений подтверждались. «Индеец» определенно принадлежал к красной гвардии. Можно было смело ставить крест на всей нашей экспедиции, на Черном Море и на гостеприимном Бусуманске. Хорошо, если успеем на ближайший рейсовый автобус. Хотя какой там автобус? На какие шиши?.. Я мысленно выругался.

– Ну? – я осторожно поставил «индейца» на землю. – Что будем делать?

Очумело мотая головой, поднялся с земли Вараксин.

– Может, сдадим их в милицию?

– Чушь! – это просипел мой пленник.

– Выдвигай свои предложения, мы слушаем.

– Ты знаешь, кто я такой?

– Чего тут знать! Бенья Крик какой-нибудь. Из местных эцелопов.

– Могу просветить...

– Можешь, но лучше не надо. Нам ведь это по барабану. Парни вы серьезные, и так видно, а потому выхода у нас нет. – Я неинтеллигентно циркнул слюной. – Короче, выбирай, эцелоп. Либо я тебя кончаю прямо здесь и сейчас, либо мы мирно разбегаемся.

– Без денег?

– Без, – ты угадал. Мы не рокфеллеры.

– Дурачок, – протянул он с усмешкой. – Все платят.

– Это их проблемы. Значит, есть чем делиться. У нас, к сожалению, нечем... – я вздохнул. – Словом, так: вы обидели нас, мы – вас, все в расчете. Ты даешь слово, что второй серии не будет, мы расходимся.

– Неужели веришь людям на слово?

– ТЕБЕ, так и быть, готов поверить.

– Тогда лучше сразу меня кончай, – этот заморыш криво улыбнулся. – Давай, если сможешь.

– Тварь! – я поневоле сдавил его шею. – Думаешь, не смогу!

– Тогда делай!.. – просипел он.

Я мысленно матюкнулся. Сукин сын загнал меня в ловушку и прекрасно это сознавал. Мы проиграли по всем статьям, и оставалось только бессильно ругаться.

– Бил! – предупреждающе проговорил Вараксин. – Бил, не надо!

Он мог бы этого и не говорить. К разряду «красных» я не принадлежал.

– Сволочь ты! – я расцепил пальцы и отпихнул от себя «индейца». – Сволочь и гад, понятно?

Второй молодец немедленно подскочил к боссу, выжидающе глянул на него, потом на меня.

– Успеется, – малорослый начальник оправил на себе джинсовый пиджачок, пальцами огладил массивную цепь. – Лучше займись приятелем.

«Приятель» уже выходил из комы, но каждое движение причиняло ему жуткую боль. Постанывая, он едва переступал своими накаченными ногами.

– Надеюсь, это пойдет ему на пользу, – устало произнес я.

– Надеюсь, пойдет, – «индеец» кивнул. – Я не прощаюсь с тобой, герой. Теперь ты у нас в списке под номером «уан».

– Тогда занеси туда и собственное имечко. Не забудешь?

Кисло скривив губы, он зашагал к машине. Мы молча смотрели уходящим в спины. Скользнув на сиденье возле водителя, движением кисти «индеец» поторопил ковыляющую пару. Буйвол покорно взвалил «красавца» на плечи, в два прыжка подскочил к автомобилю. Взревел мотор, и темный «опель» рванул с места, по пути опрокинув столик одного из торговцев. Только сейчас я заметил, как пусто стало на площади. Даже торговцы отсиживались в зарослях акации. Никто не спешил собирать рассыпавшиеся по асфальту стекляшки. Мне по-прежнему было скучно и грустно.

Мы уже почти собрали манатки, когда к нам приблизился бородатый очкарик.

– Адольф, – не трать времени, представился он. – Отчество и фамилию опускаю. Бывший коммерсант, а ныне астроном. Живу в горах, сюда спускаюсь по выходным – пожевать свежего хлебушка, попить пивка.

– Что дальше?

– Классно играете, парни. А еще лучше поете...

– Извини, браток, только некогда нам, – я за локоток отодвинул Адольфа в сторону.

– Вы не поняли! – он перешел на шепот. – Я же не просто так, я – помочь!.. У меня фазенда. То бишь – обсерватория. В горах. Всего три часа ходу. Я же видел, с кем вы тут собачились...

– Ну-ка, ну-ка! – оживший Вараксин шагнул к астроному. – Ты знаешь, чей это «опель»?

– Ясное дело, знаю! Потому и подошел! Это Мула!.. – Адольф обернулся ко мне. – Ты, браток, не кого-нибудь, – самого Мулу за кадык потрогал.

– Да кто он, черт подери?

– Как кто? Считаю, здешний хан. Все побережье в кулаке держит. Так что вам туточки оставаться никак нельзя. Либо на материк, либо ко мне. А я, парни, музыку люблю. Играйте хоть каждый день. У меня там – как в банке, тихо, никого, чистая благодать.

– Вот что, Адольф, – Джон взял бородача под руку. – Ты, я вижу, мужик отважный, но лишний час вряд ли что-нибудь решит, так? Вот и давай зайдем в кафе, обмозгуем все без свидетелей, идет?

– Может, не стоит? – Вараксин глянул на меня исподлобья. – Как ты считаешь, Бил?

– А мне уже все трын-трава. Сам слышал, занесен в список под номером «уан»...

– Вы что, сдурели? – вынырнувшая невеста откуда Татьяна с необъяснимой злобой накинулась на меня. Ее буквально трясло, губы кривила плаксивая дуга. – Кто тебя просил драться? Кто?! Идиот безмозглый! Дали бы им денег, и все! Что теперь с нами будет, ты об этом подумал?

– С тобой ничего, милая, – я холодно кивнул ей. – Свободна, подруга!

Взбурлившую мою душеньку все еще несло и крутило на перекатах, и неизвестно, что в большей степени меня разозлило – недавняя стычка с Мулой или выходка вчерашней подружки.

– Идем в кафе? – я подхватил с земли сумку с аппаратурой, с нарочитой беззаботностью приобнял Адольфа. Должно быть, Леший почувствовал мое состояние, потому что воздержался с советами и неожиданно поддержал:

– А что? Перекусим перед дальней дорожкой. Что нам в горах с деньгами-то делать?

– И я с вами! – Элиза решительно шагнула вперед. Раскол происходил прямо на наших глазах. Даже Адольф, явно не пылавший желанием задерживаться с нами в кафе, что-то сообразил, потому что с неожиданным миролюбием согласился:

– В кафе – так в кафе. Если не возражаете, могу понести какую-нибудь гитару...

Мы не возражали.

Расшалившиеся нервы следовало успокоить, и мы заказали пару бутылок «Ночных Грез» с салатами на закуску, с затейливым заливным. Стограммовые стаканчики, принесенные официанткой, одобрили все. Рюмок в нашей суровой компании не любили. Первая бутылка пролетела в сухую, тостов не произносили.

– Ничего, крепкая штучка!

– Хэх!.. Чего ж я стал бы предлагать, если б не знал!..

– Ты другое скажи, знаток. Кто он – этот Мула?

– Мула-то? А фиг его знает! Я же говорю, местный хан и бай. Ясное дело, и бизнес какой-нибудь крутит. Они ж сейчас все бизнисьмены!.. Другое странно – что он самолично к вам подрулил. Это ж не его уровень. Мулу можно углядеть где-нибудь в казино или ресторане. Да и то – не здесь, – в Ялте какой-нибудь, в Алушке. Там они любят оттягиваться. А тут у них просто кусочек территории, своего рода филиал.

– Как полагаешь, что он может с нами сделать?

– Ну... За такое... – Адольф мутно глянул на меня. – За такое, пожалуй, все что угодно сотворит. Надо будет – и пришить не постесняется. Он человек авторитетный, а авторитет необходимо подкачивать.

Усваивая информацию, мы оглушили еще по стакашку.

– Мда... Значит, подкачивать, говоришь?

– Ну так, конечно!

– Вообще-то он уркаган или нет?

– Вроде нет. Хотя с ментами и блатными у него вроде полный ажур. Никаких разборок вот уже второй год. И мэра он частенько сопровождает. Совсем как пес.

– А кто у нас мэр? – поинтересовался Вараксин, вонзая вилку в заливное.

– Принципиально не помню! – гордо ответил Адольф. – Я им что, нанялся, знать их имена и фамилии? Пусть мою сперва выучат, тогда, может, и я... – он дребезжаще хихикнул.

– Тогда за оптимистический задор? – Джон с мрачным лицом поднял свой стаканчик.

– За него! – я присоединил свою посудину. – Где, кстати, твоя обсерватория, Адольф? Ее с моря-то видно?

– А як же! Если отойти к самому берегу или отплыть, скажем, на катере, то обязательно разглядите. Такой белый шарик.

– Ага, видел такие! Не помню где, но видел.

– Так они здесь всюду. Возле той же Ялты их чуть ли не дюжина, а здесь она одна-единственная.

– А почему – шарик?

– Хрен там, шарик! Это издалека, а вблизи... Вблизи моя обсерватория – все равно что задница. Белая и пухлая!

– Как в той сказке, да? Шел мужик, попу кивал. Чем мужик попу кивал?

Адольф рассмеялся.

– Да нет, правда! Глянешь иногда утром, и прямо оторопь берет. Торчит этакая среди гор и лыбится! А после доходит: это ж вызов, парни! Самый натуральный!

– Да брось ты!

– Точно вам говорю! Во-первых, форма, во-вторых... Мы же за НИМ подглядывать вздумали! Понимаете? Словно в замочную скважину.

– Ничего себе – скважина! От горизонта до горизонта!

– Дело в другом. Скважина – это все наши хитрющие линзы и рефлекторы. У меня рассуждения простые... Что положено человеку от рождения? Два глаза, два уха и совесть,

правильно? Ан, нет! Нашему брату мало, – давай выдумывать радио— и телескопы. И ведь не из любопытства, – из жадности! Что нам в том космосе, если разобраться? Лет этак через десять, один хрен, завалим себя жрачкой и электронным хламом по самую маковку. Не пше-ницу же нам в том космосе высевать! Вот я и спрашиваю, куда рвемся? На фига?..

– Не Гоголь, но тоже хорошо, – одобрил Вараксин.

– За космического философа Адольфа! – Джон проворно разлил по стакашкам вино. Дело свое он знал.

– Это ты в точку! – «космический философ» хлебнул и поморщился. – Хотя, правду сказать, не астроном я, ребята. То есть, учился когда-то на астронома, но как выучился, так и пошли все эти пертурбации. Свобода слова, сухой закон, коммерция... А знаете, сколько получал астроном в те времена? – он горько усмехнулся. – Оклад – ровнехонько девяносто! С разными там надбавочками – иногда до ста двадцати набегало.

– Нехило!

– То-то и оно! В общем сбежал. Как послабело в законах, так и двинул в коммерцию. А что? Ума много не надо, арифметика второклашек. Купил – продал, деньги – товар – деньги. Все по Марксу с Энгельсом.

– Ну?

– Вот вам и ну! Все бы ничего, да только слабачком я оказался. Расширяться не захотел, думал, проживу на средний достаток. Куда мне миллиарды? Да хрен там! Только-только приоделся, квартиру с машиной купил – и шарах!.. Справа налогами гвозданули, слева – господа беспредельщики подперли. Дескать, либо делись, либо сваливай. Только я им что, нанялся? Делиться со всем миром?.. Решил поюлить. Дураки ж, думаю, узколобые. И там, и там. А я человек образованный, неужто не выкручусь? Вот и вляпался. Подставили на одной сделке, а там и счетчик включили. Теперь-то я дотумкал, не деньги им были нужны, – конкурента устраняли. Вот и устранили. Отдал им квартиру с колесами, разделся, а там и рванул снежным человеком обратно в горы, – Адольф кисло улыбнулся. – В горах, парни, покойно, хорошо. Только что холодно зимой, и с электроэнергией частенько перебои. Раньше ветряк работал, батареи постоянно подзаряжались, так поломали какие-то верхолазы хреновы. И кому мешало?..

– Значит, сейчас ты там круглый год обитаешь?

– Зачем же, сменщики есть. Точнее, были. А в общем у кого какой контракт. Раньше вообще на три-четыре года сразу вербовались, аванс хороший давали. Это сейчас инфляция, так что не рискуют. Договор подписывают максимум на шесть месяцев.

– Скучно, наверное?

– Бывает... Потому и спускаюсь. Я им что, нанялся торчать круглые сутки! Как надоест, одеваюсь в цивильное – и вниз. Пивко там, подружки, то-се. Книжки у местных торгашей покупаю. Иногда рюкзаками с собой уношу. Уж целую библиотеку собрал.

– Ну, а место там у тебя найдется? У нас вообще-то с собой палатка.

– Да, Господи, конечно, найдется! О чем речь! Целый вагончик пустует. Раньше в нем бригада строителей кантовалась, теперь никого. Еще есть комната для гостей, и тоже вполне неплохая. Удобства, правда, во дворе, зато все остальное функционирует. И свет, и отопление, и телевизор... – Адольф оживился. – У меня ж там высота! Принимаю что хочу. Тут внизу семь каналов, а тамочки я больше сорока ловлю. Хоть Турцию, хоть Пакистан с Китаем! Антенну спутниковую отладил – и никаких проблем!

– Что ж, Бусуманск – город крохотный. Затеряться в нем проблематично... – Вараксин задумчиво выставил на стол локти. – Пожалуй, и впрямь наведаемся мы к тебе в гости, уговорил.

– Значит, хана гастролям? – Джон нахмурился.

– А ты думал, нам позволят еще раз выйти на площадь?

– Факт, не позволят! – радостно кивнул Адольф. – Ко мне надо, ребятки, наверх!..

– Далеко это?

– Не очень. Я ведь уже говорил: заветными тропками – часа три ходу.

– Ну, а когда двинем?

Вараксин посмотрел мне в глаза.

– Да прямо сейчас и тронемся. Если насчет Мулы все правда, то долго телиться они не будут.

– Точно, – поддакнул Джон. – Мочканут и кинут в море. Как чекисты тех одесситов. Сейчас это проще простого.

– Зря мы Элизу одну отпустили, – заметил я. – Надо было мне с ней сходить.

– Она сама настояла, – Вараксин озабоченно потер лоб. – Хотя, наверное, ты прав. Может, и вовсе следовало бросить палатку здесь.

– Я ж вам, ребятки, толкую! У меня одних вагончиков – несколько штук. На фига вам палатка? Есть и комната для гостей. Вот такие условия! – Адольф показал большой палец. – Четыре койки, батарея, радиоузел. Телевизор ко мне будете ходить смотреть. А книг, я уже толковал, сотен пять, наверное, наберется. И не какой-нибудь хлам детективный, – исключительно литературные столпы, серебряный и золотой век!

– Ну-ка, ну-ка! – великий книгочей Леха Вараксин заинтересованно подался вперед. Глаза его блеснули.

– Может, и Фаулз имеется с Гроссманом?

– Фаулз!.. – Адольф передернул плечом. – О чем речь, милая! Не только Фаулз, – Камю с Хаббардом есть. Даже Гайто Газданов, если ты, конечно, о таком слышал.

– Не понял! – Вараксин заволновался. – Это что же, тот самый Газданов, что воевал в доброармии, а потом работал таксистом в Париже?

– Ты гляди! – Адольф умилился. – И молодые, выходит, читают?

– Что у тебя из него? Повести или рассказы?

– У меня, милая, – снисходительно проворковал Адольф, – трехтомник Газданова! Три толстые солидные книги – без мускулистых идиотов на обложке, с нормальным человеческим шрифтом.

– Класс!

– Ну так! Я тебе что нанялся, журнальчики потрепанные собирать? Я, милая, книги люблю. Настоящие! – Адольф не то чтобы приосанился, но тощая его фигурка чуток выпрямилась, грудь подалась вперед. – Сколько я за него выложил, не скажу, испугаешься. Но все одно не жалею. Это тебе не Солженицын какой-нибудь, хотя и последнего тоже на полках имею. «Красное Колесо», «Архипелаг Гулаг» и прочее.

– А Довлатов?

– И Довлатов есть, и Ирвин Шоу с Ратушинской. В общем, если любишь это дело, – прямая дорога в мою обсерваторию!

Ох, как они разгорелись – эти два книжных проглата! Мы с Джоном не могли смотреть на них без улыбки. Одно слово – наркоманы! То есть, конечно, неплохо – полистать что-нибудь на досуге, а в выходные прочесть страничку-другую, но не все же время этим заниматься! Во-первых, – глаза устают, а во-вторых, это ж никаких денег не напасешься! На книги, значит. А станешь или нет умнее, это еще вилами на воде писано. Я, к примеру, знавал десятки людей, что вовсе не прикасались к книжкам. И заметьте, не всех из них можно было бы назвать дураками. То есть, конечно, большую часть, но не всех...

– Але, Леший! – я ухмыльнулся. – Ты еще здесь?

Он мутно посмотрел на меня, с чувством произнес:

– Кирюха, ты осел, хоть я тебя и люблю! Ты ничего не понимаешь.

– Почему же?

– Да потому!.. Это ведь такой кайф открыть что-нибудь настоящее после всех этих Доценко-Барабашовых! Как в пустыне приложиться к фляге! Открыть Манкоя или Гарина, полистать Кортасара с Маркесом...

– А Алданова? – Адольф нетерпеливо затеребил Вараксина за рукав. – Алданова ты читал?

– Само собой! Еще я Кивинова люблю. Он хоть и детики гонит, но правильный дядька. Считай, единственный в нашей державе нормальный детективщик!

– Так он же человек! И схомить вовремя умеет, и погоревать. Все по-человечески! Не как у этих супер-муперов нынешних!..

Впору было покрутить пальцем у виска. С ними бесполезно было разговаривать! Все равно как с любителями опиума после первой одуряющей затяжки. Вероятно, эта парочка посвятила бы теме книг весь сегодняшний вечер, но, по счастью, в кафе вовремя вернулась Элиза. Да не одна, – с Татьяной. Последняя смущенно косилась в пол, глаз почти не поднимала. Наверное, ей было стыдно.

– Палатка пришла! – выдохнул я. – Порядок, мужики!

Честно сказать, появления Татьяны я уже и не ждал. Оно и понятно. Что такое перетрусивший мужик, я знал прекрасно, трусоватые дамы знаменовали для меня явление более редкое. Во всяком случае я действительно решил, что все было сказано еще на площади. Оказывается, не все. По крайней мере мужик – тот точно бы не вернулся. У женщин, по всей видимости, все обстояло более загадочным образом.

– Вот и хорошо! Снова все вместе! – искренне порадовался Джон.

– Ну что? Тогда с Богом? – Вараксин первый поднялся из-за стола. Он рвался в путь, ему уже не терпелось уткнуть нос в пыльные книги астронома. Сам того не подозревая, Адольф щекотнул его в наиболее уязвимое место.

– Дай бедным девушкам отдышаться, торопыга! – я взял Татьяну за руку, усадил себе на колени. По тому, как она вцепилась в мою ладонь, стало ясно, что она готова просить прощения. Ответным пожатием я ее простил. В самом деле! Чего дуться-то? Я тоже бегал в свое время от шпаны. И как бегал! Только пятки сверкали. И что же теперь – презирать себя всю оставшуюся жизнь? Вот уж хренушки!

Джон помог Элизе поставить на пол сумки, любовно погладил девушку по спине.

– Покушай, дружок, в дорогу.

– Им надо что-нибудь теплое из одежды, – авторитетно сказал Адольф. – И водки возьмите. На всякий пожарный.

– Слышала дядю? Надеюсь, вы захватили с собой что-нибудь теплое? – Джон продолжал гладить Элизу, и она, подыгрывая ему, ласково мурлыкала.

– Захватили.

– Что, умная моя? Что захватили?

– По платью взяли. Шлепанцы.

– И все? – Джон озадаченно крякнул. – Мда... С вами хоть в Арктику, хоть в Антарктиду!..

– Шлепанцы, подумать только! – бородатый Адольф умиленно покачал головой. – Ладно, молитесь на меня. Выведу хоть к черту на кулички! И в шлепанцах, и без.

Глава 4 ЛУЧШЕ ГОР МОГУТ БЫТЬ ТОЛЬКО ГОРЫ

Слово свое Адольф сдержал. Именно к черту на кулички он нас и вывел. Уже через час, поднявшись в лес по руслу какой-то высохшей речушки, мы углубились в шипастые заросли и, конечно же, заблудились. Попытка двигаться мудреным зигзагом лишь окончательно убедила в том, что и на юге лес – это тоже лес – со своими ловушками, со своими проказниками лешими. Если бы это было днем, мы как-нибудь соориентировались бы, но, хлебнув соленой воды, солнце окуталось багровым паром и утонуло в море. Тьма окончательно сгустилась, а тропками здешние места отнюдь не изобиловали. Продираться же через колючки нам совсем не улыбалось. Поэтому, коротко посоветовавшись, решили ставить палатку и не мудрить. Слегка приунывший Адольф рьяно взялся помогать и даже вызвался сходить за дровами, но отпускать его от места ночлега мы не решились. Брезент с грехом пополам растянули, колышки кое-как вбили.

Пока занимались устройством, добрый Вараксин поведал про трагедию 59 года, когда загадочным образом погибла группа студентов из Екатеринбурга. Ушли в турпоход на северный Урал и не вернулись. Отправившиеся на поиски спасатели нашли распоротую палатку и девять полураздетых, занесенных снегом тел. Практически трупы находили на одной прямой, словно люди отступали от палатки и падали один за другим. Самые последние успели добраться до куцега лесочка и даже жгли там какое-то время огонь. Увы, было холодно, и слабый костерок их не спас. Погибли все, оставив после себя вереницу загадок. Что заставило ребят, распоров брезент, выскочить на лютый мороз и пуститься в бегство? Почему приборы отметили радиоактивное заражение одежды погибших? Почему тела одних оказались нетронутыми, а тела других хранили следы явных увечий? И еще несколько десятков «почему», ответы на которые до сих пор так не удалось получить. Как бы то ни было, с тех самых пор прошло чуть ли не сорок лет, а никто ничего так и не выяснил. Серия мутных гипотез и более ничего. Версию о приземлении НЛО не проверишь, а в секретах с ракетами, якобы частенько летавшими в том районе, военные не признаются и на смертном одре. Москва недвусмысленно дала понять, что дело следует прикрыть, и его с послушанием прикрыли.

Мы с Джоном эту историю знали, а вот девушки с Адольфом слушали Лешего, затаив дыхание. История произвела на них тягостное впечатление. Когда настала минута залезать в палатку, дамочки откровенно запаниковали.

– Мы лучше здесь, на воздухе!

– Вот видишь, до чего доводят твои байки, – Джон обнял Элизу, успокаивая. – Ты думаешь, на воздухе безопаснее? Наоборот!..

Элиза поглядела на него дикими глазами.

– Да пошутил я, пошутил!

– Тем более, что тогда стояла зима, минус двадцать пять, – попытался оправдаться Вараксин. – До ближайшего населенного пункта – дикое расстояние.

– Короче, заползаем! – Джон потянул упирающуюся Элизу.

Трехместная палатка для шестерых – не самое комфортное убежище, но в конце концов мы все-таки разместились.

– Предлагаю выпить, – подал голосок Адольф, когда брезентовый полог за нами захлопнулся. – За тех ребяташек и вообще... Так сказать, для души и уюта.

Глядя на то, как Адольф нервно покусывает губы, я окончательно утвердился в подозрении, что выпивку он уважает не менее книг, однако протестовать не стал. Не возражали и другие. Как ни крути, с сегодняшнего дня мы превращались в беглецов. Где-то в оставленном позади городе сновали по улицам бритоголовые ребята, бушевал разобиженный нами Мула. Наверняка, поганец такой, не спал, придумывая, как ловчее наказать строптивых музыкан-

тов. Оно и понятно, месть – дело святое, а в нынешних постсоветских реалиях злые людишки не спускают вещей и куда менее значимых. Это ж надо же! Кулаками осмелились махать, мзду платить отказались! Чем не повод для того, чтобы сунуть за шиворот каждому из нас по гранате? Поэтому, октябрятская наша команда хоть и бодрилась, однако внутренний мандраж, уверен, испытывали все.

– Ну... Разве что одну бутылочку, – неуверенно промямлил Леший.

– А у вас их две? – уточнил любопытный Адольф. – Ого, даже три! Вот молодцы-то! Сразу видать настоящих туристов!.. – он порывисто потер ладони и, словно устыдившись своих манер, торопливо кивнул на девушек. – Это же не нам, – им надо. А то вдруг простудятся? В платяшках-то! Не июль месяц...

Словно снаряд, изготовленный к бою, Джон извлек из рюкзака бутылку. Ножом умело скovyрнул пробку. Адольф помог расставить на полу пластмассовые стаканчики. Я посветил фонарем, контролируя, чтобы всем досталось поровну.

– Так много? – Татьяна взглянула на свою посудину со страхом.

– Да разве ж это много? – Адольф снисходительно заулыбался, но тут же сменил ухмылку на серьезную мину. – Мы тебе что, нанялись напиваться? Это ж совсем для другого! Сама подумай, а если простынешь? Ведь горы! Видела, небось, в каких спальниках альпинисты кукуют?

– При чем тут альпинисты?

– При том, милая, что из лекарств там у меня только йод да бинты, – Адольф говорил с девушкой назидательно, где-то даже по-отечески.

– Всего-навсего? Я-то думал, вам там еще и спирт полагается, разве нет? – Джон исподтишка подмигнул мне. – Линзы протирать и все такое.

Адольф растерянно заморгал. Вопрос застал его врасплох.

– Так ведь я это... Уже, значит, протер. Линзы-то...

Мы громыхнули смехом, палатка над нашими головами заходила ходуном.

– Брат у меня сразу получился квадратным. Прямо с рождения. Всю мою нехватку в плечах и бицепсах в себя вобрал, – Джон отодрал от джинсины налипшую колючку, не слишком весело хохотнул. – Помню, когда я выпилил из доски свою первую гитару, он в те же дни смастерил из обрезка трубы свой первый пугач. То-то радости у нас было! Я натянул на свою поделку авиационную резину и лупил по ней, как по струнам, а он ножичком стачивал со спичек бертолетову соль. Точь-в-точь – господу алхимики, изготавливающие свой первый пшик! Во всяком случае радость творчества мы познали в полной мере. Из ничего, в сущности, сделали полезные вещи! Я изображал из себя Гилмора с Ленином, а он никого не изображал, просто хотел оглушить мир крепким звуком. Возможно, мы хотели одного и того же, только не понимали еще этого. Потому и взялись за молотки, клещи и пилы. Испытывать пугач вылезали на балкон, и на третьем бабахе брату оторвало безымянный палец. Такая уж суровая пушка у него получилась. То ли прочности не хватило, то ли спичек он туда настрогал чересчур много. Самое забавное, что его, как пострадавшего, папаня не тронул, зато мне вломил по первое число. Гитару располовинил об колено, сунул в ведро. Так и закончилось мое первое приобщение к искусству. Мда... А брательник, гад, даже радовался потом. Во-первых, армии можно не бояться, а во-вторых, без пальца-то – какая музыкалка? Вот и стал я пехать туда в одиночку, тренькать по клавишам и зевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.